

Христианская парадигма развития государства

Под христианской парадигмой развития государственности здесь понимается направление государственного строительства, институализирующее *некоторые этические принципы, которые провозглашены в Священном Писании*. Речь при этом не идёт ни о воссоздании теократии, ни об очередной попытке осуществить проекцию Царства Божия на земную жизнь. Теократия ныне вряд ли возможна, а «проекция» еще и вредна.

Строго говоря, термином *«теократия»* ошибочно обозначают *клерикальные* государства. Например, Б.Н. Чичерин писал, что если «государство подчиняется церкви», тогда оно «основывается на религиозном учении. Такое политическое устройство называется теократией»¹. Теократия же существовала только в Древнем Израиле в период правления Моисея, Иисуса Навина (в это время Израиль представлял собой уже протогосударство), а затем в период правления Судей. Так что даже Ватикан является не теократическим, а чисто клерикальным государством.

Есть и противоположная точка зрения, хотя, на мой взгляд, тоже не вполне верная. Известный русский библеист и историк А.П. Лопухин утверждал, что «теократия не есть какая-либо особенная государственная форма правления в противоположность монархии, олигархии или демократии, как ее понимал Иосиф Флавий, впервые введший в употребление этот термин, а выражает только особенное отношение Иеговы к народу, как к избранному, – отношение, выражающееся в *духовном* (курсив во всех цитатах мой. – М.К.) главенстве Его над народом посредством обязательства в сохранении договора и исполнении законодательства»². Поэтому, продолжал он, «теократию нужно понимать *не как форму государственного правления, а как принцип*, дающий общую норму общественной жизни, сообразуясь с которой народ имел полную свободу развития и мог вырабатывать из себя, по своим потребностям, историческим обстоятельствам и условиям, все частные формы государственной и общественной жизни. *Теократия,*

---

¹ Цит. по: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т.1. Общее государственное право // Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. Том II: Конституционные основы устройства государства и общества. Конституционные основы правового положения личности / Концепция, сост., ред., авт. предисл.: д.ю.н., проф. Н.А. Богданова, к.ю.н., м.н.с. Д.Г. Шустров. – СПб.: Издательский дом «Алеф Пресс», 2014. С.415.

² Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым / Под ред. и с предисловием проф. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2005. С.174-175.

понимаемая в смысле общего теократического принципа, есть основа Моисеева государства»³.

Таким образом, по Лопухину, теократия вообще никак не связана с устройством государства. Но в таком случае она приобретает, так сказать, «мерцающий» характер: во время правления одних иудейских и израильских царей (после разделения на два царства) была теократия, во время правления других – обязывавших народ поклоняться языческим идолам («ваалам») – ее не было. Думается, более верно говорится в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г.⁴: «Переход от судейства к монархии свидетельствовал об ослаблении веры, отчего и возникла потребность *заменить Царя Незримого царем видимым*» (III.7). Вот эта замена и была моментом окончания теократии. И с тех пор ее на земле не было. И вряд ли когда-нибудь уже будет, если посмотреть на усиливающуюся религиозную энтропию.

Своего рода заменой теократии стала идея *об устройстве земной жизни как своего рода проекции Небесного Царства*. Но это, как я уже заметил, не только невозможно, но и вредно – как для Церкви, так и для мира.

Невозможно – потому что, во-первых, *в Небесном Царстве нет прогресса, ибо там нет времени*. В богословских источниках такое различие между земным миром и Божиим Царством проводится очень четко. В одном из таких источников говорится, что «мир подлечит изменчивости и существует во времени, след. создан не от вечности: потому что изменчивость и время, ка бы далеко мы ни простирали их к началу, не могут быть представлены без начала»⁵. А, во-вторых, *Небесный Царь Вездесущ, Всеведущ, Всемогущ* и, главное, от Него исходит *абсолютная любовь*.

Более спорен тезис *о вреде проекции*. Поэтому попытаюсь доказать его.

В некотором смысле *вредность проистекает из невозможности*. Неизменность Божьего Царства, вытекающая из неизменности Бога, предполагает и неизменность твари в условиях вечности. И это предопределяет фундаментально иной смысл, иное содержание вечной жизни с Богом. Каким будет это содержание, нам неизвестно. Мы лишь знаем, что оно будет благим.

Порой из-за полной сокровенности того, что представляет собой жизнь без противоречий, без борьбы, без совершенствования, мне, признаюсь, не по себе становится. Единственный ответ, который могу дать сам себе, состоит в том, что в

³ Там же. С.175.

⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // сайт «Patriarchia.ru». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 03.03.2005).

⁵ Православно-догматическое богословие Д.Б. Макария, Архиепископа Харьковского. Т.1. – СПб., 1868. С.360.

Небесном Царстве *изменится вся природа* человека. Намек на это дает Апостол, говоря, что при гласе Ангельской трубы «*не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся*» (1 Кор. 15: 51-52). Как изменимся – никому из здесь живущих, неизвестно. Ясно лишь одно: те, кто попадет – по неизреченному милосердию Божию – в рай, не будут «мучиться бессмысленностью» своего потустороннего существования.

Но именно поэтому – как можно проецировать небесную жизнь на земную? Понятно, когда Церковь старается быть неизменной. Ее природе претят любые усовершенствования, хотя их было и немало в истории. Но речь-то идет не о церковной, а о мирской жизни. Во многом из-за смешения этих двух «жизней» Церковь нередко противится социальным изменениям, что приводит к отпадению многих от Церкви, а вслед за этим и от веры.

А ведь на земле человек должен развиваться, совершенствоваться. Как писал процитированный выше Архиепископ Харьковский Макарий, «признавая целию мира славу Божию и блаженство тварей, так тесно соединенные между собою, мы отнюдь не отвергаем и мнения, что *мир создан для нравственного развития разумных тварей и их постепенного усовершенствования в добре*»⁶. Развития! Совершенствования! Но нравственно совершенствоваться, не изменяя окружающей социальной среды, люди могут разве что в монастыре, в пустыне, т.е. уходя от этого мира. А все иные? Редко, когда миряне могут полностью отгородиться – физически и (или) духовно от окружающей действительности. Не представляю себе, как можно нравственно развиваться и совершенствоваться в добре, если условия жизни настолько жестоки и несправедливы, что представляют собой соблазны для творения зла, для ожесточения сердца, для ненависти, озлобления, зависти и проч. и проч. Человек слаб. И мало кто может устоять перед соблазнами и искушениями мира сего. Но ведь мы можем хотя бы снизить степень влияния соблазнов, соответствующим образом обустроив публичную жизнь. А стремление к проекции вечного Царства обуславливает остановку социального развития на земле и тем самым способствует расширению соблазнов и искушений.

Невозможность перенести на человеческие отношения образцы предполагаемых отношений в вечном Царстве приводит к тому, что обычно пытаются «*копировать*» только некоторые *формы* будущего Царства – главным образом, *иерархичность и монархию*. Тот же богослов утверждал (не в качестве догмата, но в качестве его «нравственного приложения»): «3) Ангелы Божии все равны между собою по природе, но различествуют по силам и совершенствам, и, вследствие того, есть между ними низшие и

---

⁶ Там же. С.372.

высшие; есть подчиненные и начальствующие; *есть неизменная, установленная Самим Богом, иерархия*. Так точно должно быть и между нами: при всем единстве своей природы, и мы различаемся друг от друга, по воле Создателя, разными способностями и преимуществами; и между нами естественно должны быть низшие и высшие, подчиненные и начальствующие, и в наших обществах *Сам Бог устрояет порядок и иерархию, возводит на престолы Помазанников своих* (Прит. 8, 15), дает все низшие власти (Рим. 13, 1) и назначает каждому человеку свое служение и место.

4) Один из самых высших и совершеннейших духов, созданных Богом, не устоял в своем чине, возмутился против своего Создателя, возмечтал быть равным Ему, и увлек за собою многих в бездну погибели: урок для всех существ разумных, как *опасно противиться воле Всемогущего, восставать против того чина и порядка, какой Сам Он устрояет на небе и на земле, управляя миром!*⁷.

Вот, оказывается, как просто. На Небе иерархия. И здесь она должна быть. На небе монархия. Значит, и здесь идеал – монархия. К тому же абсолютная.

Подражание Небесному Царству – прекрасно! Но это должно быть именно *подражанием*, т.е. стремлением приблизиться к сути небесных отношений. Хотя, если быть точным, речь идет не о подражании, а о собственной подготовке человека к тому, чтобы в день оный оказаться достойным принятия в Царство Божие. Впрочем, «оказаться достойным» – это по человеческому рассуждению. Никто из нас не может считаться достойным и потому обретение Царства Божия – заслуга не наша, а Божия, ибо *«невозможное человекам возможно Богу»* (Лк. 18:27, см. также: Мф. 19:26, Мк. 10:27). Но, главное, такое стремление должно быть *добровольным выбором каждого*.

Вспомним, с чего начиналась Христианская Церковь после сошествия Святого духа на апостолов. С перемены сознания (метанойи), ставшей основой изменения самого строя жизни и отношений между людьми в первых христианских общинах, которые затем выросли в поместные церкви.

Но обратим внимание. Во-первых, уверовавшие иудеи, в том числе из рассеяния, *«полагали к ногам Апостолов»* деньги, вырученные от продажи своего имущества и эти деньги шли на нужды всех членов общины (см. Деян. 5: 34-35), поскольку первые годы после Христова Воскресения были годами *напряжённого ожидания Второго пришествия*. То есть в основе перемены сознания и самих социальных отношений лежал сильнейший побудительный мотив. А, во-вторых, *земные страсти* постепенно стали возобладать и, что называется, приземлять сознание, обращать взор людей «к дольнему», а не «горнему». В Книге Деяний святых апостолов мы видим, что «первый звоночек»

---

⁷ Там же. С.414.

прозвенел уже в жалобах на несправедливость: «*В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей*» (Деян. 6:1). Еще более явственно заметно, как земное подавляет духовное, в посланиях святых апостолов и, главным образом, апостола Павла, который вынужден был призывать новообращенных вести жизнь, в корне отличающуюся от жизни окружавшего христиан мира, говорить о необходимости взаимной любви, о послушании властям, о ненужности обращаться к светским судьям, о взаимном уважении рабов и господ, об избавлении от имущества и т.д.

Почему я об этом напоминаю? Да потому, что человеческая природа, пораженная первородным грехом, всегда сопротивляется любым попыткам исправить ее здесь – на земле. Но еще опаснее для христианства и христиан, когда такие попытки становятся частью государственной политики.

Тут я должен высказать, сознаю это, весьма спорную мысль. Судя по всему, святые апостолы исходили из того, что христиане так и останутся в меньшинстве, т.е. христианство не станет господствующей религией в государствах. Сама христианская жизнь мыслилась как жизнь, *практически вся* посвященная Богу. Это, конечно, не совсем то, что являет собой монашеская (в том числе монастырская) жизнь, но весьма близко к ней. При таком мироощущении речь шла только об осуществлении миссии христиан – распространении Благой Вести ввиду казавшегося близким Вторым Пришествием Христа.

Но, по Промыслу Божию, история пошла не так, как представляли ее первые христиане. Христианство завоевывало умы и (или?) сердца монархов и племенных вождей. Благодаря этому прекратились гонения на христиан. Однако и само христианство во всё большем числе государств и квазигосударств становилось главной (официальной) религией. И это стало, на мой взгляд, огромным и до конца так и не преодоленным искушением для христиан.

Всеобщая «христианизация» привела к тому, что христианами стали считаться и массы тех людей, которые относились к вере, мягко говоря, отнюдь не так, как первые христиане (хотя и среди последних не все полностью доверились Богу: вспомним хотя бы историю Анании и Сапфиры – Деян. 5: 1-10). И таких «*формальных христиан*» было и *остается подавляющее большинство* (у меня, естественно, нет ни статистики, ни данных социологии. Но смею так утверждать, поскольку в противном случае вся земная история была бы в корне иной – без войн, восстаний, революций, убийств, подлостей и проч. и проч.).

Я не случайно сказал *о монархах и вождях*. В давние и даже не столь давние времена в европейской ойкумене практически не было иного представления о власти как

власти строго персонализированной. Соответственно, принятие государем нового верования *почти автоматически* означало изменение религиозной основы и всего государства («почти» – поскольку не везде и не всегда принятие христианства вместо язычества происходило гладко. Но, тем не менее, происходило). Если представить себе, что всё ограничилось бы Миланским эдиктом, то есть провозглашением принципа веротерпимости, и что монархи, начиная с Константина Великого, отделяли бы своё светское предназначение от религиозной жизни, мир сегодня был бы в корне иным.

Да, скорее всего, христианство не так быстро бы распространилось по Европе. Но зато оно сегодня было бы иным (разумеется, не в догматическом смысле) – гораздо более близким к тому, что заповедовал Господь. Вряд ли возникли церковные расколы, феномены папоцезаризма или цезаропапизма. Не было бы инквизиции. Не было бы крестовых походов и религиозных войн – совершенно антихристианского явления. А, главное, сохранился бы тот «остаток», о котором не раз в Священном Писании говорит Бог, и который стал бы той *«свечой, которую не ставят в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет»* (см.: Лк. 8:16, 11:33). И да, наверное, христиане составляли бы меньшинство в разных государствах, но зато все бы знали, что они и есть та *«соль, которая не потеряла солёность»* (см.: Мк. 9:50).

Как мы знаем, по Божьему соизволению (думаю, не благословению), случилось иначе. И поскольку официальное (государственное) принятие христианства изначально связывалось с волей *монарха* (у варваров – вождя), постольку эта связка «монарх – христианская церковь» стала чуть ли не догматической, о чем я уже сказал.

Отсюда, полагаю, берёт своё начало ошибочная и, по своей сути – нехристианская, идея земной проекции «формы» Небесного Царства. И хотя Сам Христос Спаситель упрекал фарисеев, среди прочего за то, что они, соблюдая требования закона и обычаи, *«оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру»* (Матф.23:23), тем не менее, многие православные писатели утверждали и утверждают, что именно абсолютная монархия является «наиболее христианской» формой правления. В тех же Основах социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г.⁸ считается желательным «изменение властной формы *на более религиозно укорененную*» – монархию (Ш.7). И это – несмотря на то, что там же напоминается о том, что «Господь, принимая выбор людей и санкционируя монархию, *в то же время сожалеет об оставлении ими богоправления»* (Ш.1), т.е. теократии.

---

⁸ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // сайт «Patriarchia.ru». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 03.03.2005).

В абстракции идея абсолютной монархии весьма разумна и привлекательна: государство возглавляет фигура, авторитет которой не подвергается сомнению, ибо его власть санкционирована Богом. Однако в реальности она оборачивается пагубой для государства. Даже Л.А. Тихомиров – известный русский исследователь и монархист по убеждениям – отделял «истинную» монархию от её искажений – «деспотической» и «абсолютной».

В истинной монархии, согласно Тихомирову, «воля монарха подчинена Богу, и притом очень ясно. Она имеет своим руководством Божественное учение, нравственный идеал, ясный долг, и все это существует не только как учение, но и как реальное содержание народной души, с которой пребывает Сам Бог»⁹. Такую монархию Тихомиров называл *самодержавием*, которое, считал он, обеспечивает устойчивость монархии, более качественную систему управления и, что необычно для монархиста, наилучшим образом гарантирующую права личности¹⁰. В *деспотической* монархии «личная Верховная власть основана на ложных религиозных концепциях», которые «связаны или с личным обожествлением монарха, или с божеством, признаваемым только как некоторая огромная сила, без нравственного содержания, и не живущая в самой душе людей, составляющих данную нацию»¹¹. Наконец, «абсолютизм, как по смыслу понятия, так и по смыслу исторического факта, означает *власть ничем не созданную, ни от чего, кроме самой себя не зависящую, ничем, кроме самой себя, не обусловленную*»¹².

И кого бы вы думаете, он приводил в пример искажённых монархий? Византийскую империю, которая для многих православных лидеров служит едва ли не путеводной звездой. Л.А. Тихомиров писал:

«По институциям Юстиниана власть императора характеризуется как неограниченная, и это мотивируется тем, что она уступлена ему народом. Император совмещает в себе "все права и всю полноту власти народа". Юридический принцип гласил: "Quod Principi placuit legis habet vigorem"¹³, потому что "populus ei – то есть императору – et in eum solum omne suum imperium et potestatem concessit"¹⁴. Это идея

⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. С.103.

¹⁰ См.: там же. С.574-575.

¹¹ Там же. С.103.

¹² Там же. С.104. Именно поэтому для Л.А. Тихомирова дух абсолютизма наиболее ярко проявляется как раз в *демократии*, поскольку «народная воля, ничем кроме самой себя не обусловленная, создает власть абсолютную, так что если народ сливается с государством, то и власть последнего становится абсолютной» (там же).

¹³ «Что угодно государю, имеет силу закона» (лат.).

¹⁴ «Народ уступил ему всю свою власть и силу» (лат.). В издательском приложении к книге Тихомирова перевод иной: «Народу же, покорствующему его безграничной власти и могуществу, он обещал ряд уступок» (см.: Тихомиров Л.А. Указ. соч. С.634).

чисто абсолютистская, ставящая *власть императора безграничной, но не верховной, не самостоятельной от народной воли*. Формула противоречила также христианской идее "Царя, Божия служителя", у которого законом никак не может быть то, что ему "угодно". Но *совместительство народной делегации и Божия избранничества давало византийской императорской власти возможность весьма широкого произвола*. В случае нарушения народного права, можно было сослаться на волю Божию, в случае нарушения воли Божией – сослаться на безграничную делегацию народа. Однако нельзя не видеть, что то же совмещение, давая власти императора возможность произвола, в то же время не давало ей прочности. *Эту власть можно было отнимать у недостойного ее тоже на двойном основании: за нарушение воли Божьей, или на основании воли народа, не желающего дольше продолжать данную прежде "концессию"»*¹⁵.

Это подтверждает и прот. Иоанн (Мейендорф), говоря, что «Византия, со всей очевидностью признававшая постоянную и ежедневную вовлеченность Бога в конкретные дела общества, предпочитала предоставлять этот вопрос области непосредственно Божественного домостроительства. В действительности и сама *империя не имела законодательного обоснования*, что нам кажется совершенно необходимым. Четко сознавая значение римского закона в жизни общества, она не выработала закона о преемстве императоров, *предоставляя различие между законным государем и узурпатором Божественной воле, выраженной через народное принятие или рецепцию»*¹⁶.

Говорю об этом вовсе не потому, что я противник монархии, а потому, что убежден: ни одну государственную форму невозможно религиозно обосновать (точнее, наоборот, обосновать можно любую форму, но, следовательно, такое обоснование не будет истинным). Идеального государственного строя на земле быть не может. Очень верно высказался Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1994 года, заявив о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин». Удивительно, но эти слова процитированы в Основах социальной концепции РПЦ рядом с утверждением о «религиозно *более высокой* форме государственного устройства». Впрочем, Основы оправдывают предпочтительность монархии не проекцией Небесного Царства, а наличием «божественной санкции» монархии, которая, как говорится в документе, отсутствует не только в республиках, но и «в монархических по форме демократиях» (Ш.7). Не очень тогда понятно, что понимается

¹⁵ Там же. С.170-171.

¹⁶ Мейендорф И., прот. Рим – Константинополь – Москва. Исторические и богословские исследования. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005. С.32.

под божественной санкцией: ведь и конституционные монархи коронуются по религиозному обряду, а в ряде стран и президенты приносят присягу на Библии...

Как бы то ни было, ясно, что Церковь, во всяком случае Православная (или только Русская?) в лице священства и большей части паствы явно тяготеет не просто к монархии, но к монархии абсолютной. Тем самым игнорируется то, как именно отражается такая форма государства на подданных. Безусловно у демократии есть свои пороки. В частности, в ней абсолютизируется понятие «большинство», вне зависимости, насколько его мнение соответствует праву, и вообще она беременна охлократией¹⁷. Но в демократии (а точнее, в конституционном государстве) существует главное – принцип ограничения власти, благодаря чему возможен контроль за нею со стороны общества, прежде всего, через институты представительства. А такой контроль позволяет гораздо надежнее оградить граждан (особенно тех, у кого нет ни материальных возможностей, ни связей) от чиновничьего и полицейского произвола.

Конечно, в идеале монарх (царь, король, император) относится к своим подданным как отец. Но это именно – *в идеале*. Неслучайно, видя, что неограниченная власть, как правило, превращается в тиранию, многие мыслители пытались воздействовать *на сознание* монархов. И, прежде всего, тем, что в своих научных классификациях строго отделяли монарха от тирана (деспота), как бы не считая последнего собственно монархом. Эту традицию начал ещё Аристотель¹⁸, в Средние века ее продолжили Фома Аквинский¹⁹, Эразм Роттердамский²⁰. Подобную классификацию можно найти и в трудах Ш. Монтескье²¹, в России – Б.Н. Чичерина²², Л.А. Тихомирова (о его классификации я уже говорил) и др.

И тогда встаёт в полный рост принципиальный вопрос: что важнее для Церкви – блеск государства или правовая защищенность «малых сих»? Но разве не ответил на этот вопрос Сам Господь Иисус Христос? Напомню только некоторые Его слова:

---

¹⁷ См., например: *Платон. Политика, или Государство* // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. – М., СПб., 2003. С.240; *Аристотель. Политика* // Там же. С.431-432; *Аквинский Ф. О правлении государей* // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI-XVII вв. – Л., 1990. С.234-236; *Милль Дж. О свободе* // Наука и жизнь. 1993. № 11. С.10-11; *Ильин И.А. О сущности правосознания*. – М., 1993. С.131.

¹⁸ См.: *Аристотель. Политика* // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С.391-392.

¹⁹ См.: *Аквинский Ф. О правлении государей* // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI-XVII вв. – Л., 1990. С.235.

²⁰ См.: *Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя* / Пер. с лат. и комментарии А.В. Тарасовой. – М.: Мысль, 2001. С.32.

²¹ См.: *Монтескье Ш. Избранные произведения* / Под общ. ред. М.П. Баскина. – М.: Госполитиздат, 1955. Кн. пятая. Гл. XII.

²² См.: *Чичерин Б.Н. Общее государственное право* / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. С.148.

*«В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, **кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном**; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а **кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.** <...> Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. Ибо **Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.** Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».* (Мф. 18:1-14; Мк. 9:33-37; Лк. 9:46-48, 15:3-10).

***

*«Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: **а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом**; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих».* (Мф. 20:25-28; Мк. 10:43-45; Лк. 22:25-26).

***

*«**Больший из вас да будет вам слуга**: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится»* (Мф. 23:11-12).

***

«И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12:48).

***

«Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14:10-11).

***

«Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19:30; Мк. 10:31, Лк. 13:30).

Эта идея – идея великого благородства, когда сильный не просто уступает слабому, но и готов служить ему – пронизывает всё учение Христа. Конечно, Его евангельская проповедь во многом представляет собой тот максимум, которого далеко не все в состоянии достигнуть – положить душу свою за друга, возлюбить врага своего, как самого себя, раздать все имущество нищим и проч. и проч. Но такой максимум можно считать идеалом, к которому можно и нужно идти, даже зная, что ты никогда его не достигнешь. Этот путь, опять же подчеркну, человек может избрать для себя *только сам*. Он не может быть навязан государством, не может стать гражданской обязанностью. Но, как ни странно, государство этому может помочь. Только влияя непосредственно не на человека, а на условия жизни.

Вместо того, чтобы печься об установлении монархии, или видеть в каком-нибудь популярном лидере прообраз монарха и одобрять режим личной власти, продуцирующий произвол, вместо участия в казенном патриотизме, который оборачивается просто демонстрацией лояльности власти, Церкви стоило бы выступать с *идеей насыщения правовой системы принципами, которые покоятся на этической системе христианства*. Невозможно, разумеется, институализировать любовь, да еще и к врагу; невозможно правовыми средствами заставить совершать нравственные подвиги. Но можно рецепировать тот дух благородства, которым пропитано все учение Христа, как бы адаптировать евангельские принципы к светской государственности.

Как? Каким образом? Выскажусь тезисно.

- **Первенство слабости.** Сильные всегда найдут свое место под солнцем. Слабые – только при определенных усилиях государства, только при определенном дизайне государственности. Понятно, что тут потребуются юридическое определение понятия «слабый». Но смысл принципа состоит в том, что отношение к условному «Акакию Акакиевичу Башмачкину» должно быть не как к «бюджетной» обузе, а как к дару, посылаемому обществу для того, чтобы, как минимум, оградить его от озверения. В практическом смысле реализация такого принципа означает, прежде всего, *радикальный пересмотр приоритетов бюджетной политики*, по которой, как в зеркале, видно истинное лицо государства, если хотите, доминирующая в нем философия. В частности, сегодня средства, выделяемые из бюджетов разных уровней, в том числе на строительство и содержание домов призрения, приютов, домов для странников²³ и т.д.,

²³ Я сознательно изменяю некоторые современные названия, которые часто несут отрицательную смысловую нагрузку. В частности, «бомж» – неологизм, появившийся из аббревиатуры казенных

обеспечивают лишь минимальный уровень существования как обитателей подобных учреждений, так и работающих в них педагогов, психологов, социальных работников. Ясно, что о милосердии тут не приходится говорить, разве что о подачках.

- **Не надо перестраивать мир. Его надо просто улучшать.** Что такое улучшать – предмет общественного договора. Но надо осознать, что мир принадлежит не нам. Не мы его хозяева. Мы – арендаторы. Придет Хозяин – и что Он увидит? Это касается всех – и кто верит в Бога, и кто не верит. Улучшение мира нужно всем. И улучшаться он может и должен на христианских принципах.
- **Аквариумная прозрачность** государственной деятельности.
- Если страна богата, значит, прежде всего, ее граждане должны жить в условиях, достойных человека XXI века. Это **философия строительства страны «снизу, а не сверху**. Необходимо обеспечить приоритетность развития сел, поселков и малых городов и для этого изменить философию Налогового и Бюджетного кодексов. Образно говоря, государство нужно начинать строить не с «ремонта Кремля», а с создания достойных условий жизни. Но начинать, повторю, не со столиц, а с самых заброшенных населенных пунктов. Это будет гораздо менее эффективно. Но это будет по-христиански. Должен уйти в прошлое образ: «космические корабли, пролетающие над бараками и перекошенными избами».
- **Определение общей «скорости развития» не по «скорости лидеров», а по «скорости слабых».** Это означает, что о степени развитости современного государства следует судить, в первую очередь, не по среднему уровню ВВП на душу населения, а по тому, как живётся в таком государстве его самым социально слабым гражданам. Такому принципу в идеале должно следовать и международное сообщество.

Разумеется, реализация такой философии приведет к снижению экономической эффективности. Но, во-первых, есть основания полагать, что такая потеря через довольно короткое время обернется огромным социальным выигрышем, который, в свою очередь, даст и экономический эффект. Я уж не говорю о том, что обществу придётся гораздо

слов «без определенного места жительства». В социальном государстве не должно быть людей, которые против своей воли не имеют жилища. Если же они не хотят (бывают и такие) жить на одном месте, тогда уместно старинное слово «странник». Однако я не настаиваю именно на данных терминах. Просто хотел подчеркнуть, что даже в названиях может проявляться то или иное отношение.

меньше выделять средств на противодействие преступности и содержание заключенных. А, во-вторых, если такой философией будет пронизана вся государственная политика, **это делает человечнее жизнь в стране и саму страну**. Другое дело, что общество должно само свободно сделать стратегический выбор, который покажет, насколько разговоры о присущей нашему обществу высокой духовности, соответствуют реальности.